

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-4

УДК 316.014

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Жигунова Г.В.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области в рамках выполнения проекта проведения научных исследований по теме «Повседневные практики молодых инвалидов Кольского Севера» (проект № 14-13-51002). В статье показаны существенные характеристики повседневности как социального феномена. Автор показывает интерпретации повседневности в рамках феноменологии и приводит основные проблемы, с которыми сталкиваются ученые при изучении этого феномена. Повседневность, по мнению автора, представляет собой смысловой континуум, который интерпретируется людьми посредством типизации и структурирования объектов этого мира. Обращение к повседневности позволяет увидеть субъекта, вписанного в объективную социальную реальность и воплощающего на индивидуально-личностном уровне ее закономерности и принципы. В связи с этим главной методологической задачей социологической науки становится открытие общих принципов организации повседневной жизни.

Ключевые слова: повседневность; рутинность; жизненный мир; обыденность; практика.

EVERYDAY LIFE AS A SOCIAL PHENOMENON

Zhigunova G.V.

The article is prepared with financial support of Russian Foundation for Humanities and the Government of Murmansk region within the project of carrying out scientific researchers on a subject «Everyday practices of young disabled people in the Kola North», the project № 14-13-51002. The article presents essential characteristics of everyday life as a social phenomenon. The author shows interpretations of everyday life within the frame of phenomenology and lists the main problems faced by the scientists in studies of this phenomenon. In the

author's opinion, everyday life represents a semantic continuum which is interpreted through typification and objects structuring. Resorting to everyday life allows to see the subject, fitting into an objective social reality and realizing its regularities and principles at the individual level. In this regard, the main methodological problem of sociological science becomes disclosure of general principles of everyday life organization.

Keywords: *everyday life; routine; lifeworld; commonness; praxis.*

Повседневность является специфическим предметом исследований микросоциологии, который неразрывно связан с понятиями практики, взаимодействия и социокультурной организации обыденной жизни индивидов.

Пристальный интерес к исследованию повседневности в социально-гуманитарных науках появился в середине XX столетия. В макросоциологии повседневность актуализировалась в марксизме, структурном функционализме и постмодернизме. В микросоциологии – в рамках экзистенциализма, феноменологии, этнометодологии, социологии конструктивизма, символического интеракционизма и др.

С точки зрения экзистенциализма повседневность рассматривали М. Хайдеггер, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс. В феноменологии повседневность становится специальным предметом изучения в работах Э. Гуссерля, А. Шюца, Б. Ванденфельса, в этнометодологии – Г. Гарфинкеля, А. Сикурела, И. Гофмана и др.; в социологии конструктивизма – П. Бергера и Т. Лукмана; в рамках структурного функционализма – Р. Мертона, Р. Барта; в марксизме повседневность изучалась в контексте общественных формаций в работах А. Лефевра, К. Косика, Т. Лейтхойзера и А. Хеллер; в постмодернизме – в работах Ж.П. Лиотара, Ж. Бодрийяра, Ж. Батайи. Следует отметить изучение обыденной жизни в рамках «архивных» исследований М. Фуко и в лингвистических у Л. Витгенштейна и Дж. Остина.

Как правило, при определении повседневности ученые сталкиваются с рядом проблем. Первая связана с всепроникающим характером рассматриваемого понятия, в результате чего оно представляется размытым и неконкретным. Вторая проблема состоит в кажущейся простоте и понятности термина, в связи с чем на нем детально не останавливаются. Наконец, третья и, может быть, самая распространенная ошибка в определении повседневности, по мнению В.В. Корнева, состоит в заведомо негативных коннотациях этого термина, в силу чего обыденный мир заранее рассматривается как «эрозия», «принижение», даже «грехопадение» истинной человеческой реальности. В этой ситуации «повседневность» мыслится по остаточному принципу: от всего оригинального в культурно-общественной жизни – к самому неоригиналь-

ному, от всего высокого – к низкому [11, с. 19]. При этом сама повседневность представляется как застой и рутина. В данной связи уместно привести мнение Макса Вебера, полагавшего, что процесс «оповседневнивания» тождественен упадку и деградации высокой культуры, а повседневная сфера – это рационализированная и формальная сфера, которая может быть «тупой» и «гнетущей» [5, с. 331].

Категориями, тесно связанными с повседневностью, являются обыденность, опыт, жизненный мир, образ жизни, здравый смысл. Рассмотрим их подробнее.

Понятие «обыденность» используется для описания бытовой, будничной жизни людей, связанной в первую очередь с обеспечением своего физического существования и может считаться синонимом быта как некоего привычного уклада жизни. К слову, отметим, что сложившиеся традиции в изучении феномена повседневности исходили из противопоставления обыденного и необычного. В последствии появилась еще одна традиция, разделяющая жизнь на частную (повседневную) и публичную (общественную).

Повседневная жизнь находит свое отражение и в человеческом опыте – трудовом, семейном, коммуникативном и др., и одновременно обогащает, формирует его. В данной связи А. Шюц определял повседневность как одну из сфер человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности. Как таковая, повседневность является «высшей реальностью», оказывающейся основой, на которой формируются все прочие миры опыта [20, с. 129-137].

Образ жизни – это способ, формы и условия индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека (трудовой, бытовой, социально-политической и культурной), типичные для конкретно-исторических социально-экономических отношений [15].

Повседневность, таким образом, включает в себя будничные практики частной, приватной индивидов, определяющее значение для которых имеют накопленный жизненный опыт, сложившийся образ жизни. Эти практики связаны в первую очередь с домом, бытом, семьей, ближайшим окружением, досугом и рутинными каждодневными занятиями.

Все эти практики подчинены удовлетворению потребностей, что является главной функцией повседневности. И здесь на передний план, безусловно, выступает здравый смысл, руководство которым необходимо для решения даже самых обыденных задач в ходе удовлетворения потребностей индивида. Здравый смысл необходим при интерпретации субъективной реальности индивидами. Повседневная жизнь в этой связи, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, представляется реальностью, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира [3, с. 37].

Еще одной категорией, позволяющей приблизиться к сущности повседневности, является понятие «жизненный мир». «Жизненный мир» с точки зрения феноменологической социологии – это обыденная жизнь, intersубъективный мир, являющийся для живущих в нем миром общих значений и смыслов, воспринимающийся ими как само собой разумеющийся, не подлежащий сомнению и конституирующийся сознанием составляющих его людей [16]. Э. Гуссерль понимал жизненный мир как мир повседневного знания и деятельности. А повседневность, в свою очередь, Э. Гуссерль трактовал как динамичный жизненный мир человека, который конструируется и воссоздается каждой индивидуальной личностью [см.: 7-8].

Развивая учение о жизненном мире, австрийский социолог и философ Альфред Шюц перенёс понятие «жизненный мир» на изучение повседневного бытия, выделяя его intersубъективный характер. По наблюдению К.Г. Барбаковой и В.А. Мансурова, эта фиксация intersубъективности была принята в качестве одного из основных методологических положений социологии повседневности [1].

Повседневная жизнь представляется субъекту упорядоченной объективированной реальностью. Причем она заведомо упорядочена социокультурными нормами, сложившимися в обществе, в рамках которых каждый индивид вынужден строить свою частную жизнь. Приобретая знание об окружающей действительности, индивид учится видеть ее в типичности черт, воспринимаемых в качестве несомненных и очевидных, и строить типичные конструкты в соответствии с системой ценностей и интересов «мы-группы», к которым можно отнести образ жизни, способ взаимодействия с окружающей средой.

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия запечатлена в социальной структуре. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни. Социальную реальность повседневной жизни можно понять в континууме типизаций, анонимность которых возрастает по мере их удаления во времени и пространстве. На одном полюсе континуума находятся те другие, с которыми я часто и интенсивно взаимодействую в ситуациях лицом-к-лицу. Это, так сказать, «мой круг». На другом полюсе – крайне анонимные абстракции, которые по самой своей природе никогда не могут стать доступными взаимодействию лицом-к-лицу [3, с. 60].

Для типизации повседневного мира основополагающее значение имеют принципы отбора, на основе совершают определенные действия и принимают те или иные установки, решения и обязательства (эти принципы отбора А. Шюц называет релевантностью). Человек выбирает

тот или иной способ действия, отличающийся от принятого другим человеком в зависимости от того, что считает релевантным (соответствующим) его убеждениям и интересам.

Повседневность предстает А. Шюцу как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним. Эта совокупность значений возникла и продолжает формироваться в человеческих действиях: наших собственных и других людей, современников и предшественников. Все объекты культуры (инструменты, символы, языковые системы, произведения искусства, социальные институты и т.д.) своим смыслом своим и происхождением указывают на деятельность человеческих субъектов [19].

Повторение «одного и того же» действия предполагает типизацию, глубоко укорененную в повседневной жизни, которую еще Э. Гуссерль называл идеализацией «я-могу-это-снова» («I-can-do-it-again»), то есть в «типично сходных обстоятельствах я могу действовать типично сходным образом для достижения типично сходного результата» [17, с. 16]. Благодаря типизациям, которые содержит реальность повседневной жизни, возможно понимание, общение и взаимодействие в социуме.

Схемы типизации взаимны. В этой связи конструктивисты указывали, что другой тоже воспринимает меня в определенной типичности – как «мужчину», «американца», «торговца», «своего парня» и т.д. Типизации другого подвергаются вмешательству с моей стороны так же, как мои – вмешательству с его стороны. Так что в течение большей части времени мои встречи с другими в повседневной жизни типичны в двойном смысле – я воспринимаю другого как тип и взаимодействую в нем с ситуации, которая сама по себе типична. Чем дальше типизации социального взаимодействия удалены от ситуации лицом-к-лицу, тем более они анонимны [3, с. 56-57].

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, схемы типизации, необходимые для большинства обычных дел повседневной жизни – не только типизаций других людей, но и типизаций любого рода событий и опыта, как социальных, так и природных, в наше распоряжение предоставляет социальный запас знания. Благодаря этому «мой мир организован в терминах обычного вопроса о погоде, о сенной лихорадке и т.д. «Я знаю, что делать» по отношению ко всем этим другим людям и ко всем этим другим событиям в рамках моей повседневной жизни» [3, с. 75-76]. Реальность повседневной жизни всегда оказывается хорошо понятной зоной, но за ее пределами – «темный фон». Авторы пишут: «Хотя социальный запас знания представляет повседневный мир как интегрированный, отдельные части которого различают в соответствии с зонами, являющимися знакомыми и удаленными, в целом этот мир остается непрозрачным» [3, с. 76-77].

Типизирующим инструментом, посредством которого передается социальное значение, является повседневный язык. Благодаря языку индивиды придают одинаковые значения и смысл социальной реальности. Диалект повседневности – это по преимуществу язык имен, вещей и событий. А любое имя предполагает типизацию и обобщение в свете системы релевантностей, преобладающей в лингвистической «мы-группе», которая считает вещь достаточно значительной, чтобы найти для нее особый термин. Донаучный диалект – сокровищница готовых, уже сконструированных типовых характеристик, социальных по происхождению и несущих в себе открытый горизонт еще ненайденных содержаний» [20, с. 132].

В «Анализе фреймов» и книге «Формы разговора» И. Гофман разработал схему для интерпретации повседневной жизни. Он проследил процесс смыслообразования в употреблении языка, когда его элементы кажутся малозначительными. Несмотря на отсутствие содержательности разговора, его участники каким-то образом понимают смысл сообщений, так как располагают определенными речевыми процедурами для типовых коммуникативных ситуаций, структурирующих восприятие социального мира. Эти процедуры имеют характер неявного, подразумеваемого знания.

И. Гофман, критично относясь к идее А. Шюца о социальном конструировании повседневности, предполагал существование физического мира и общества как внешних ограничителей индивидуальных представлений. Эти ограничения входят в определение ситуации в качестве объективных неконструируемых компонентов. Любая организация и институт предстают как определенные виды деятельности людей в определенном месте. Превращение людей в членов организации можно назвать перемещением ситуации взаимодействия в определенный «организационный фрейм» – так воспроизводятся социетальные структуры. Аналогичным образом, но на более высоком, рефлексивном уровне «рефрейминга», формируются интеллектуальные миры, порождающие отделенные от повседневной рутины дискурсивные сообщества и формы знания [6, с. 27]. Таким образом, поведение индивидов мыслится как производное от социального порядка, а не как результат их индивидуального выбора.

Следует также отметить мнение ученого о том, что акты повседневной жизни открыты для понимания благодаря наполняющей их смыслом базовой системе фреймов (или несколькими системам) [6, с. 86]. Английское слово «фрейм» обозначает широкий круг понятий, связанных со структурированием реальности, в широком смысле – «форма». Это процедурное знание – «знание как» или последовательность действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект. Как правило, фреймы не осознаются субъектом, и попытка их экспликации и уяснения приводит к дезорганизации восприятия [6, с. 42].

Системы фреймов всегда находятся в процессе своего формирования. Иными словами, происходит постоянное «фреймирование» реальности. И. Гофман говорит о «ключках» (keys) и «переключениях» (keyings) фреймов – соотношении воспринимаемого события с его идеальным смысловым образцом. Хотя мы видим одни события, мы имеем основания («ключки») говорить, что на самом деле они означают совсем иное: мы создаем нереальный мир, чтобы понимать мир реальный, и настраиваем эту процедуру так, как настраивается музыкальный инструмент. Наша задача, таким образом, заключается в последовательном обнаружении различных смысловых слоев фрейма. Ученый в данной связи предлагает всего пять основных «ключей» к первичным системам фреймов: выдумка (make-believe), состязание (contest), церемониал (ceremonial), техническая переналадка (technical redoing), пересадка (regrounding) [6, с. 44].

К повседневности относятся регулярные обыденные социальные практики. Причем даже поверхностный взгляд на повседневные действия людей показывает, что они протекают по определенным правилам, с учетом функций, социальных статусов и ролей индивидов, системы контроля и т.д., что составляют признаки социального института [9, с. 21]. Повседневные практики, таким образом, определяются деятельностью социальных институтов и воплощаются на индивидуальном уровне с учетом усвоенных отдельным человеком норм и представлений, принятых в данной системе общественных отношений. Социальные институты обеспечивают возможность членам общества удовлетворять свои потребности одобренным в обществе способом, а совокупность всех имеющихся институтов характеризует способ организации общественной жизни в целом. Таким образом, мы приходим к необходимости рассмотрения повседневности в институциональном плане, а множественность институтов требует выявления межинституциональных связей, что может быть осуществлено на основе институциональной модели, в рамках которой происходит актуализация и решение повседневных задач в жизнедеятельности индивидов.

Социальное конструирование повседневной жизни людей с учетом социальных практик происходит на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности. На макроуровне осуществляется институциональная регуляция и устанавливаются общие формы институционализированных социальных отношений. Мезоуровень охватывает значимые социальные институты, определяет их место и роль в обществе и формирует модели поведения. Микроуровень представлен повседневной жизнью, связанной с удовлетворением разнообразных потребностей, реализацией интересов, мотивов, установок, целей лиц с инвалидностью в тех или иных социальных практиках (их перечень варьируется в каждом индивидуальном случае). Данный

уровень дает возможность проследить социальное поведение и межличностные взаимодействия отдельных индивидов и составить представление о конкретно-ситуативном опыте их самореализации [10, с. 50-51].

Социальные практики в повседневной жизни выступают как постоянные рутинные действия и взаимодействия, которые производит индивид или общность как само собой разумеющееся, воспроизводя тем самым упорядоченность жизненного мира. Они понимаются как некий фон привычного знания или умения или как конкретная деятельность.

Тем не менее, повседневную жизнь можно разграничить с социальными практиками. Повседневность – характеристика жизненного мира, реализуемого зачастую автоматически без серьезных размышлений. Социальные практики объективируются и подлежат описанию, когда действия становятся интенциональными, в них просматривается темпоральность времени и достигается результат (или осуществляются действия для его достижения).

Социальные практики ограничены во времени и пространстве, в то время как повседневная жизнь текуча, и в силу своей обыденности, рутинности не подлежат рефлексии. Практики, в отличие от будней повседневности, процедурны, имеют свою внутреннюю логику, содержательно тематизированы, имеют свои правила, как формальные, так и неформальные.

Объектом социальных практик являются способы жизнедеятельности людей. Другими словами, социальная практика – это ситуации, в которых индивид получает социальный опыт.

Такие ситуации возникают в результате сложившихся в обществе условий: формирования социальной компетенции к общественно-значимой деятельности; приобретения практических умений в процессе осуществления различных социальных взаимодействий; знакомства с конкретными условиями и содержанием социальных процессов, проходящих в обществе; приобретения навыков формирования моделей поведения, адекватных ситуации решения существующих проблем [13, с. 87].

В повседневности проявляется вся совокупность социокультурных отношений, в которые включен любой человек и все общество. Являясь формой человеческой жизнедеятельности, повседневность в результате своей регулярности и постоянства поддерживает стабильность функционирования человеческих сообществ и представляет собой целостный социокультурный феномен. Постоянство жизненных ситуаций осваивается человеком всякий раз заново, поэтому повседневность проявляет себя не только в монотонной и рутинной повторяемости фигур мышления и речи, актов коммуникации и поведения, но и в появляющихся новых формах, культивирующих новое в рамках хорошо известного старого.

Система повседневной жизни формируется в момент бодрости – «Я воспринимаю повседневную жизнь в состоянии бодрствования, – пишут об этом П. Бергер и Т. Лукман. – Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается мной как нормальное и самоочевидное, то есть составляет мою естественную установку» [3, с. 41].

Еще один представитель феноменологической школы, немецкий ученый Б. Вальденфельс, подчеркивает рациональное начало повседневной жизни, утверждая, что понятие повседневности – это условная конструкция, которая возникает в тот момент, когда мы проводим разграничение между сферами общественной жизни. Б. Вальденфельс предлагает три методических принципа:

1. Обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания» (Veralltaglichung), которым противостоят процессы «преодолевания повседневности» (Entalltaglichung).
2. Повседневность – это дифференцирующее понятие, которое отделяет одно явление от другого. Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры. Так, например, европейские национальные культуры прямо несопоставимы с американским смешением этих культур.
3. Речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью в повседневной жизни. Во всех теориях об обыденной жизни возникает вопрос о месте теоретической речи. Кто и откуда говорит об обыденной жизни? О какой повседневности он говорит, о своей собственной или о повседневности кого-то другого? В ответах на эти вопросы нет согласия философов. Здесь возникают претензии на исключительность, оказывают влияние собственные скрытые предпочтения и ранее неговоренные оценки [4].

В данной связи автор предлагает не допускать преувеличения значения сферы повседневной жизни, не возводить категорию повседневности в ранг универсального понятия и не абсолютизировать теорию обыденной жизни.

В целом представители феноменологической школы рассматривают мир повседневности как основу социального бытия, мир здравого смысла, и признают за повседневностью роль фундамента теоретического знания, на основе которого возможно познание бытия.

Чтобы понять сущность повседневности, обратимся также к ее противоположным значениям, выстроенным Норбертом Элиасом:

1. Повседневность, будничность – праздник, праздничный день: торжество, празднование, выходной, конец недели, свободное время.
2. Повседневность жизни общества (рутина ежедневных обстоятельств) – нерутинные, внебудничные, экстраординарные сферы общественного существования.
3. Повседневность – будни, рабочие, дни (в особенности у трудящихся) – сферы жизни буржуазии, т. е. людей которые живут доходами, прибылью, живут праздно, в роскоши, не будучи заняты собственно работой или производством.
4. Повседневность как жизнь народа, массы населения – жизнь высокопоставленных и могущественных персон, символических лиц, фигур – королей, принцев, президентов, членов правительства, членов парламента, народных вождей, демагогов, лидеров экономики и пр.
5. Повседневность, выступающая синонимом событийной сферы ежедневной жизни – все то, что традиционная политическая историография рассматривает как единственно релевантное для себя, т.е. сфера «великих событий», главных государственных акций и их история.
6. Повседневность как частная, приватная жизнь, наполненная тем, что имеет отношение к досугу, семье, любви, детям – общественная жизнь, главным образом – профессиональная.
7. Повседневность как сфера естественного, спонтанного, нерефлексивного, истинного переживания и мышления – область рефлексивного, искусственного, придуманного, неспонтанного переживания и мышления, в особенности научного.
8. Повседневность (повседневное сознание) – синоним идеологически наивного, непродуманного, ложного мышления и переживания – правильное, истинное, подлинное мышление.

В данных противопоставлениях повседневность показана, прежде всего, как каждодневная рутина людей.

По М. Хайдеггеру, повседневность связана с присутствием, неким «подручным» состоянием. Присутствие как таковое есть «всегда вот это», а повседневное присутствие «всегда уже есть этим способом». Так, например, мы открываем дверь с помощью дверной ручки [18].

Повседневность ученый рассматривал как бытие «между» рождением и смертью. Повседневность означает то, как, мерой которого присутствие «живет настоящим днем», будь то во всех своих поступках, будь то лишь в известных, которые предписаны бытием-друг-с-другом.

К этому как принадлежит далее уют привычности, пусть даже она понуждает к тягостному и «противному». Завтрашнее, выжидаемое повседневным озабочением, это «вечно вчерашнее». Однообразие повседневности принимает за перемену то, что всякий раз преподносит день. Повседневность обуславливает присутствие и тогда, когда оно не избрало себе в «герои» людей [18].

Повседневная жизнь имеет пространственно-временное измерение – хронотоп. Временное измерение характеризуется темпоральностью, суточным ритмом повторяющихся событий и действий (по А. Шюцу – трудовыми ритмами [20]). Время не только организует и ориентирует человека, но и каждый раз возвращает его в повседневную реальность, напоминая число, год, день недели, час, а вместе с ними – насущные дела и заботы. Можно еще сказать, что время задает повседневности границы от «здесь и сейчас» до будущего или прошлого. Здесь уместно остановиться на особенности ощущения времени, о которой говорит М. Бахтин: «всякое явление мы как-то осмысливаем, то есть включаем его не только в сферу временно-пространственного существования, но и в смысловую сферу. При этом каковы бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт (притом социальный опыт), они должны принять какое-либо временно-пространственное выражение, то есть принять знаковую форму, слышимую и видимую нами [2, с. 407].

П. Бергер и Т. Лукман указывают: «Реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени. Это «здесь-и-сейчас» – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни непосредственным присутствием, но охватывает и те феномены, которые не даны «здесь-и-сейчас». Это означает, что я воспринимаю повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности. Ближайшей ко мне является та зона повседневной жизни, которая непосредственно доступна моей физической манипуляции. Эта зона включает мир, находящийся в пределах моей досягаемости, мир, в котором я действую так, чтобы видоизменить его реальность, или мир, в котором я работаю» [3, с. 43].

Темп и ритм повседневности соотносится с тремя основными сферами: бытом, трудом и досугом. В структуре суточного времени можно выделить основные блоки, к которым приурочены те или иные дела и события. Время первого блока соотносится с бытовой сферой повседневности и отводится на удовлетворение телесных потребностей: сну, питанию, гигиеническим процедурам, оформлению внешности, которые можно определить как «ведение домашнего хозяйства». Второй блок суточного времени отдан профессиональной повседневности, имеющей ежедневный (регулярный) характер и служащей источником доходов. Тре-

тий блок – сектор свободного времени, посвященный досугу, любительским занятиям, хобби. Уклад повседневной жизни с его повторяющимися изо дня в день делами и занятиями тяготеет к стабильности, устойчивости, определенному режиму, которые являются нормой повседневности [14, с. 25].

Как время напоминает человеку о существовании привычных дел, так и люди, встречаясь друг с другом, вовлекают друг друга в свою повседневную реальность, придавая друг другу в ходе непосредственного взаимодействия субъективные значения. Наше взаимодействие «лицом-к-лицу» определенным образом типизируется и упорядочивается. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, наши встречи с Другими в повседневной жизни являются типичными в двойном смысле – мы воспринимаем Другого как тип и взаимодействуем с ним в ситуации, которая сама по себе является типичной [3, с. 37-39]. Имея представление о том или ином человеке, мы выстраиваем свое поведение в отношении к ним – от одного что-то скрываем, другому – доверяем, от третьего стремимся что-то получить и т.д. В данной связи на первый план выступает наше знание о людях, о жизни, а также наш опыт, воспитание, ценностно-нормативная система.

Противоположностью повседневности выступает неповседневное, определяемое как непривычное, находящееся вне обычного порядка. Обратная сторона неповседневного, необычного возникает из того, что встречающееся нам в опыте не вписывается в привычный мир. Это происходит с новым практическим опытом, в ходе которого человек осваивает новые для себя виды и формы деятельности. Новое, неизвестное, существует на границах хорошо знакомого мира, оно манит и пугает одновременно. Б. Вальденфельс, полагая, что человек существует на границе повседневного и неповседневного, пишет: «Человек существует не только в порядке повседневности, а как бы на пороге между обыденным и необычным, которые соотносятся друг с другом как передний и задний планы, как лицевая и обратная стороны» [4]. Эта же мысль прослеживается у К. Косика: «Повседневность имеет свой опыт и свою мудрость, свое лицо, свое предвидение, свою повторяемость, но также и свою необычность, свои будни и свои праздники» [12]. В данной связи повседневность нельзя анализировать как особую отдельную сферу, полагает ученый.

Итак, повседневность – это исторически изменчивая пространственно-временная целостность социального бытия, разворачивающаяся в сферах быта, труда и досуга с помощью различных видов деятельности. Повседневность представляет собой смысловой континуум, который интерпретируется людьми посредством типизации и структурирования объектов этого мира. Обращение к повседневности позволяет увидеть субъекта, вписанного в объективную

социальную реальность и воплощающего на индивидуально-личностном уровне ее феномены. В связи с этим главной методологической задачей социологической науки становится открытие общих принципов организации повседневной жизни.

Список литературы

1. Барбакова, К.Г. Проблема повседневности и поиски альтернативной теории социологии / К.Г. Барбакова, В.А. Мансуров // ФРГ глазами западногерманских социологов: Техника – интеллектуалы – культура. – М.: Наука, 1989. С. 296-392; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ribeyebar.ru> – свободный (дата обращения 26.10.2014).
2. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике [Текст] / Михаил Михайлович Бахтин // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. 500 с.
3. Бергер, П.Л. Социальное конструирование реальности [Текст]: Трактат по социологии знания / Питер Людвиг Бергер, Томас Лукман: перевод с англ. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности [Электронный ресурс] / Бернхард Вальденфельс. – Режим доступа: <http://musa.narod.ru/valden.htm> – свободный (дата обращения 12.05.2015).
5. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / Макс Вебер: пер. с нем. М. Левин, А. Филиппов и др. – М.: Прогресс, 1990. 804 с.
6. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта [Текст] / Ирвинг Гофман: пер. с англ. Р.Е. Бумагина и др. – М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2003. 750 с.
7. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Эдмунд Гуссерль // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136-176.
8. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философии / Эдмунд Гуссерль // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101-116.
9. Жигунова, Г.В. Повседневная жизнь молодых людей с инвалидностью / Г.В. Жигунова. – Мурманск: МГГУ, 2014. 144 с.
10. Жигунова, Г.В. Ювенальная инвалидность в системе социальной реальности российского общества: монография / Г.В. Жигунова. – Красноярск: НИЦ, 2011. 173 с.

11. Корнев, ВВ. Вещи нашего времени: элементы повседневности [Электронный ресурс] / В.В. Корнев. – Режим доступа: <http://ru.scribd.com/doc/36257136> – свободный (дата обращения 12.05.2015).
12. Косик, К. Диалектика конкретного [Электронный ресурс] / К. Косик. – Режим доступа: <http://www.cts.cuni.cz/soubory/reporty/CTS-03-12.pdf> – свободный (дата обращения 12.05.2015).
13. Передерий, В.А. Конструирование идентичности в поле различных социальных практик студенческой молодежи: дисс. канд. социол. наук по специальности 22.00.04 / В.А. Передерий; Краснодарский юридический институт МВД России. – Краснодар, 2008. 191 с.
14. Полякова, И.П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 / И.П. Полякова; [место защиты: Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана]. – М., 2011. 45 с.
15. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/sociology/> – свободный (дата обращения 12.05.2015).
16. Социологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politics.ellib.org.ua/> – свободный (дата обращения 12.05.2015).
17. Феноменология повседневности: теория социального конструирования реальности: текст лекции / О.Н. Ноговицын; Федеральное агентство по образованию, гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2006. 39 с.
18. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст]: статьи и выступления / М. Хайдеггер; [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Библихина]. – М.: Республика, 1993. 447 с.
19. Шюц, А. Структура повседневного мышления [Текст] / Альфред Шюц // Избранное: мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
20. Шюц, А. Структура повседневного мышления [Текст] / Альфред Шюц // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120-136.

References

1. Barbakova, K.G. *Problema povsednevnosti i poiski al'ternativnoj teorii sociologii* / K.G. Barbakova, V.A.Mansurov // FRG glazami zapadnogermanskih sociologov: Tehnika – intellektualy – kul'tura. – М.: Nauka, 1989. Pp. 296-392; [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ribeyebbar.ru> (data obrashhenija 26.10.2014).

2. Bakhtin, M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel] / Mikhail Mikhaylovich Bakhtin // *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let.* – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 500 p.
3. Berger, P.L., Lukman, T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [*The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*] / Piter Lyudvig Berger, Tomas Lukman: perevod s angl. E. Rutkevich. – M.: Medium, 1995. 323 p.
4. Val'denfel's, B. *Povsednevnost' kak pravil'nyy tigl' ratsional'nosti* [Elektronnyy resurs] / Bernhard Val'denfel's. – Rezhim dostupa: <http://musa.narod.ru/valden.htm> – svobodnyy (data obrashcheniya 12.05.2015).
5. Veber, M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Papers] / Maks Veber: per. s nem. M. Levin, A. Filippov i dr. – M.: Progress, 1990. 804 p.
6. Gofman, I. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevdnogo opyta* [*Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*] / Irving Gofman: per. s angl. R. E. Bumagina i dr. – M.: In-t sotsiologii RAN: In-t Fonda «Obshchestv. Mnenie», 2003. 750 p.
7. Gusserl', E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* / Edmund Gusserl' // *Voprosy filosofii.* 1992. № 7. Pp. 136-176.
8. Gusserl', E. *Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofii* / Edmund Gusserl' // *Voprosy filosofii.* 1986. № 3. Pp. 101-116.
9. Zhigunova, G.V. *Povsednevnyaya zhizn' molodykh lyudey s invalidnost'yu* / G.V. Zhigunova. – Murmansk: MGGU, 2014. 144 p.
10. Zhigunova, G.V. *Yuvenal'naya invalidnost' v sisteme sotsial'noy real'nosti rossiyskogo obshchestva: monografiya* / G.V. Zhigunova. – Krasnoyarsk: NITs, 2011. 173 p.
11. Kornev, V.V. *Veshchi nashego vremeni: elementy povsednevnosti* [Things of our time: the elements of everyday life] / V.V. Kornev. – Rezhim dostupa: <http://ru.scribd.com/doc/36257136> – svobodnyy (data obrashcheniya 12.05.2015).
12. Kosik, K. *Dialektika konkretnogo* [Dialectics of the Concrete] / K. Kosik – Rezhim dostupa: <http://www.cts.cuni.cz/soubory/reporty/CTS-03-12.pdf> – svobodnyy (data obrashcheniya 12.05.2015).
13. Perederiy, V.A. *Konstruirovaniye identichnosti v pole razlichnykh sotsial'nykh praktik studentcheskoy molodezhi: diss. kand. sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.04* / V.A. Perederiy; Krasnodarskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii. – Krasnodar, 2008. 191 p.
14. Polyakova, I.P. *Povsednevnost' v sotsial'no-filosofskom kontekste: teoretiko-metodologicheskiiy analiz: avtoreferat dis. ... doktora filosofskikh nauk* [Everyday life in the social and philosophical context: theoretical and methodological analysis]: 09.00.11 / Irina Pavlovna Polyakova; [mesto zashchity: Mosk. gos. tekhn. un-t im. N.E. Baumana]. – Moskva, 2011. 45 p.

15. *Sotsiologicheskiy slovar'* [Sociological dictionary]. – Rezhim dostupa: <http://enc-dic.com/sociology/> – svobodnyy (data obrashcheniya 12.05.2015).
16. *Sotsiologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [sociological encyclopedical dictionary]. – Rezhim dostupa: <http://politics.ellib.org.ua/> – svobodnyy (data obrashcheniya 12.05.2015).
17. *Fenomenologiya povsednevnosti: teoriya sotsial'nogo konstruirovaniya real'nosti: tekst lektsii* [The phenomenology of everyday life: the theory of social construction of reality: the text of the lecture] / O.N. Nogovitsyn; Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, gos. obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya Sankt-Peterburgskiy gos. un-t aerokosmicheskogo priborostroeniya. – SPb.: Sankt-Peterburgskiy gos. un-t aerokosmicheskogo priborostroeniya, 2006. 39 p.
18. Khaydegger, M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Being and Time] / M. Khaydegger; [sost., per., vstup. st., komment. i ukaz. V.V. Bibikhina]. – M.: Respublika, 1993. 447 p.
19. Shyuts, A. *Struktura povsednevnogo myshleniya* [The Structures of everyday thinking] / Al'fred Shyuts // *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom*. – M.: ROSSPEN, 2004. 1054 p.
20. Shyuts, A. *Struktura povsednevnogo myshleniya* [The Structures of everyday thinking] / Al'fred Shyuts // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988. № 2. Pp. 120-136.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Жигунова Галина Владимировна, профессор кафедры социальных наук, доктор социологических наук, доцент

Мурманский государственный гуманитарный университет

ул. Капитана Егорова, д. 15, г. Мурманск, 183038, Российская Федерация

e-mail: galina-zhigunova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhigunova Galina Vladimirovna, Professor of the Department of Social Sciences, Doctor of Sociology, Associate Professor

Murmansk State Humanities University

15, Kapitan Egorov street, Murmansk, 183038, Russian Federation

e-mail: galina-zhigunova@yandex.ru

SPIN-code: 4554-0448

ORCID: orcid.org/0000-0001-7981-9278

ResearcherID: D-6997-2014